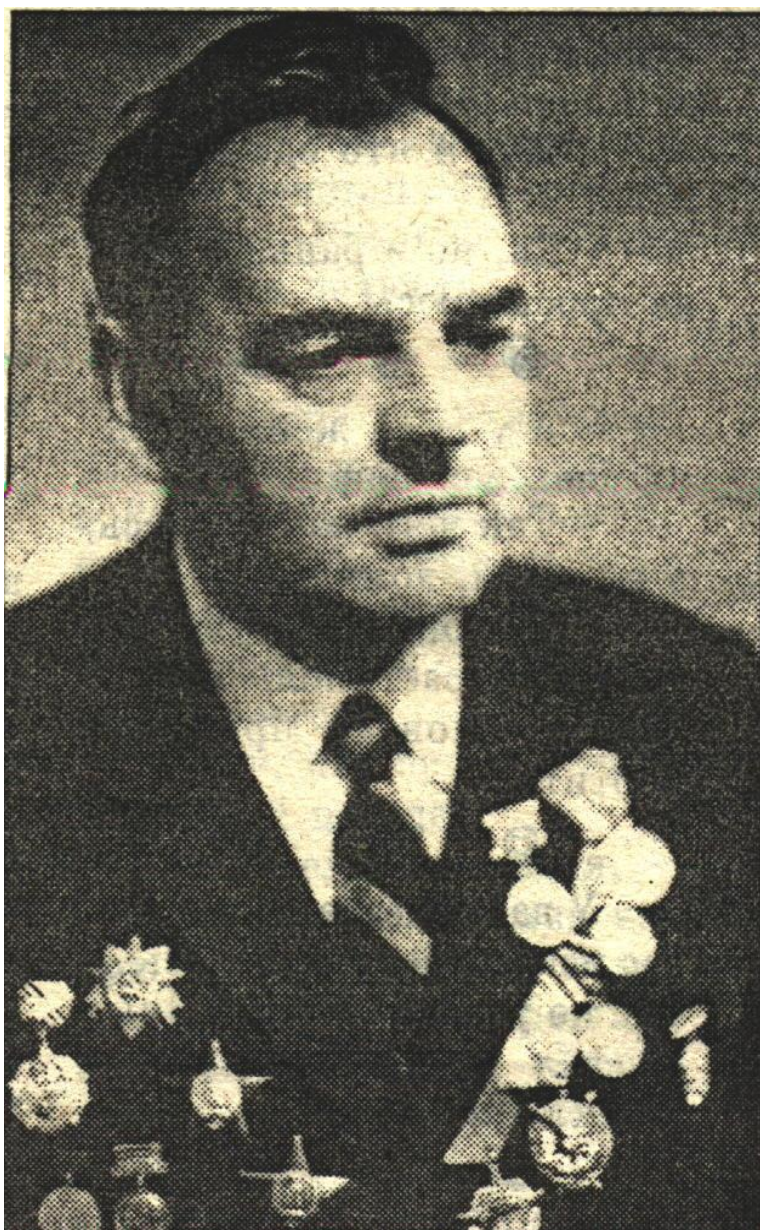

Городской отдел культуры
Центральная публичная библиотека им. М. Горького
Информационно-библиографический отдел
Сектор краеведения

**«Чтоб люди сегодня взглянули
моими глазами на мир»**

(К 85-летию со дня рождения Н. Рыбалко)
Учебно-методическое пособие
Вып. 2

Краматорск, 2007

Составители:

**В.И. Крихтенко
Л.И. Гетман**

Редактор:

Л.М. Мельник

Ответственный редактор:

Н.В. Труш

Компьютерный набор

**Л.И. Гетман
В.И. Крихтенко**

Дорогие друзья!

14 февраля 2007 года исполнилось бы 85 лет Николаю Рыбалко - поэту-фронтовику, орденоносцу, лауреату премии имени Т.Г. Шевченко и Н. Островского, Почетному гражданину Краматорска.

Его жизнь – пример для современников и потомков. В предлагаемом Вашему вниманию учебно-методическом пособии «Чтоб люди сегодня взглянули моими глазами на мир» содержатся воспоминания современников, которые имели честь быть знакомыми с этим замечательным поэтом.

Учебно-методическое пособие состоит из четырех частей:

1. Воспоминания о Н.А. Рыбалко
2. Стихи, посвященные поэту-фронтовику
3. Стихи Н.А. Рыбалко в переводе на украинский язык А. Провозиным
4. Библиография

Прозрение

Февраль сорок пятого года
Свинцовой нитью прошит
Смиренно оскаленный Одер
У ног, затаившись, лежит.
Смешалась вода с небесами,
Гремя, полыхая, звеня.
И парню с моими глазами
Вдруг стало темно от огня.
В мгновенье погасло светило
И очень далёкая степь.
Со мною, со мной это было,
Но я в этот день не ослеп,
Я слышу, я знаю - кому-то
Мечтается вновь о войне.
В такую крутую минуту
Приходит прозренья ко мне.
И вас поведу я сквозь годы,
Сквозь жгучую даль поведу –
Туда, где проходит пехота
По тонкому ломкому льду.
Туда, где как будто распяты,
Стволы почерневших берёз,
И женщина в траурном платье,
И слезы запёкшихся рос.
Потом у гранита я стану,
И, вспомнив упавший рассвет,
В литую ладонь капитана
Вложу незабудок букет.
Я всё различу в этом гуле:
И стон, и свинцовый пунктир,
Чтоб люди сегодня взглянули
Моими глазами на мир.

1. Воспоминания о Н.А. Рыбалко

Виктор ВОВЕНКО

Хватит в сердце светлого огня!

Его у Николая Александровича действительно было много - светлого и доброго огня в сердце, душевной теплоты и щедрости, неувыдаемого оптимизма, которому могли бы позавидовать многие. Как стихотворений и книг - удивительно добрых, гуманных наперекор жестокой судьбе, которая постигла этого незаурядного человека.

Безусым юношей после кратковременного курса в артиллерийском училище он попадает в самое пекло войны, сражается в истребительном противотанковом артиллерийском полку - сначала командиром орудия, затем - командиром батареи. Прямой наводкой бьет по вражеским танкам, уничтожает пушки и минометы, поддерживает огнем наступающую пехоту - всю войну на передовой, под пулями и осколками снарядов противника. Трижды они цепляли отважного артиллериста, и каждый раз он после кратковременного лечения возвращается в строй. Дошел до Германии и там, на Одере, прогремел тот роковой взрыв, который навсегда лишил его зрения.

Но мужественный воин остался в боевом строю, нашел свое место в мирной жизни. И до самого конца главным его оружием стало пламенное поэтическое слово. Уже первые книги краматорчанина «Под солнцем Родины», «Глазами сердца» и «Солдатская слава», изданные в конце 60-х, показали: на поэтическом небосклоне появился зрелый мастер, забил новый родник живой воды. Приятно отметить, что уже первые его стихи заметила и опубликовала паша газета, тогда «Социалистический Донбасс», с которой он не порывал связей до конца своей жизни. Потом сборники стихотворений следуют один за другим, они получают высокую оценку в Киеве и Москве, на стихи Н.Рыбалко пишут песни известнейшие композиторы, их исполняют популярные певцы. Одна из таких песен, «Я жил в такие времена», давшая название одноименному сборнику (а всего их вышло больше двадцати), стала гимном его поколения, звучит она и сейчас.

В родном Краматорске Николай Александрович дал путевку в жизнь многим талантливым поэтам и прозаикам. Он удостоен Государственной премии Украины им. Тараса Шевченко и Республиканской комсомольской премии им. Н.Островского, многих боевых и трудовых наград. Благодарные земляки назвали его именем литературное объединение, которое он бессменно возглавлял несколько десятилетий, а на доме, где он жил, установили мемориальную доску.

Н. Волошина
директор городского Исторического музея
Тернистый путь воина-поэта

Николай Александрович Рыбалко родился 14 февраля 1922 года в селе Орехово-Васильевка Артемовского района. В 1931 году семья переехала в Краматорск, который стал для Николая родным городом. Здесь он окончил 10 классов средней школы № 1. Затем стал студентом Днепропетровского государственного университета. Вступительное сочинение по украинскому языку и литературе он написал в стихах, получил «пятерку» за сочинение на тему «Радянські льотчики - горді соколи країни соціалізму». Обучение на филологическом факультете было прервано началом Великой Отечественной войны. В числе других Николай Рыбалко ушел на фронт добровольцем. Был принят в Барнаульское минометное училище.

В июне 1942 г. лейтенант Рыбалко принял первый бой под Воронежем, тогда же получил первое ранение и первую награду — орден Красной Звезды

Противотанковая батарея под его командованием принимала участие во многих кровопролитных боях, среди которых — крупнейшее танковое сражение под Прохоровкой, на Курской дуге. Освободительными боями в составе 38-й армии Николай Александрович прошел всю Украину — от Сум до Львова. За форсирование Днепра южнее Киева он был удостоен ордена Красного Знамени. Затем были бои под Корсунь-Шевченковском, вновь ранение и еще одна награда — орден Красной Звезды. Прошел с освободительными боями Польшу, дошел до Одера. 1945 год встречал на немецкой земле.

В феврале 1945-го на Одерском плацдарме гвардии капитан Рыбалко был тяжело ранен. Прошли долгие месяцы лечения в госпиталях, но медицина, увы, была бессильна, он навсегда потерял зрение. Тогда ему было только 23 года. Но для него война не закончилась в сорок пятом, для него оружием стало поэтическое слово.

Первое стихотворение «Цветы» было опубликовано в 1954 году в «Литературной газете». Автор получил множество теплых и ободряющих отзывов. Уже через два года Николай Рыбалко принес в издательство «Донбасс» рукопись книги своих стихов. В 1956 году вышел первый сборник поэта «Под солнцем родины». Выход этого сборника не остался без внимания как общественности, так и профессионалов, - автор сборника был принят в члены союза писателей СССР.

В последующие годы появлялись новые сборники. Николай Александрович Рыбалко в течение всей своей жизни издал более 25 книг. Все сборники его стихов, среди которых «Глазами сердца» (1958), «Я жил в такие времена» (1972), «Незакатная звезда» (1982), «Незабудки на кургане» (1975) и многие другие. говорят не только о тяжелых временах войны, но и о человеческой дружбе, верности и любви.

В 1966 году вышел очерк Рыбалко «Броня и пламя», в котором автор рассказывает о своем школьном друге — Евгении Лысенко. Подполковнику Е. П. Лысенко было всего лишь двадцать четыре года, когда он был

смертельно ранен. За подвиги, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Лысенко был награжден двумя орденами Ленина, двумя — Красного Знамени, звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

Творчество Николая Рыбалко отмечено множеством высоких правительственных наград, среди которых орден Октябрьской Революции и Дружбы Народов. В 1968 году за сборник «Дорога на высоту» автор получил звание лауреата республиканской комсомольской премии им. Николая Островского. В 1985 году за сборник «Незакатная звезда» он был удостоен звания лауреата Государственной премии Украины им. Т. Г. Шевченко. Песня Александра Билаша на стихи Н. А. Рыбалко «Я жил в такие времена» стала лауреатом Всесоюзного телеконкурса «Песня-75».

Широко известна общественная деятельность Николая Рыбалко. Более сорока лет он возглавлял литературное объединение при редакции газеты «Краматорская правда», которое считалось одним из лучших в Украине. На базе этого объединения было воспитано немало талантливых литераторов, среди которых Олег Плуталов, Леонид Горовой, Виктор Пикалов, Анатолий Мироненко, Анатолий Мирошниченко.

Почетный гражданин Краматорска любил свой город и его жителей, чувствовал его сердцем, сердцем откликался на их заботы и радости. И он навсегда остается в нашей памяти.

Виктор ПИКАЛОВ,
*руководитель Краматорского городского литературного
объединения имени Николая Рыбалко с мая 1994-го по декабрь 2006 года*

Рассказывал учитель мой, Рыбалко...

14-го февраля Николаю Александровичу Рыбалко - воину Великой Отечественной, поэту, кавалеру семи боевых и трех трудовых орденов, лауреату литературных премий имени Николая Островского и Тараса Шевченко, руководителю в течение 40-ка лет (с 1954-го по 1994 г.) Краматорского городского литературного объединения, автору 25 книг... - исполнилось бы 85 лет. Так зажжем свечу памяти.

И до чего же он притягателен, огонек творчества! В 70-х — начале 80-х я работал в Константиновне, но, смею заверить, ни одного занятия литобъединения не пропустил. Вячеслав Иванченко торопился из Белокузьминовки, Борис Южик — из Дружковки, Александр Яровой — из Славянска... Анатолий Таран — из Ясной Поляны, Владимир Виноградов — из Беленького... Доброй легендой литобъединения стало то, что Егор Хоронько приехал на занятия за... 60 км... Верхом. Трижды проводились выездные заседания правления Донецкой писательской организации; постоянно бывали у нас писатели из областного центра, нередко — из Киева. В частности, бывший инженер КЗТС, один из довоенных литобъединенцев, известный поэт Аркадий Рывлин. Изредка баловали вниманием звезды из

Москвы, Ленинграда, Свердловска, Белгорода, Одессы... Гостиами литобъединения и города были космонавты, артисты, сын легендарного героя Гражданской войны Чапаева — герой войны Отечественной.

Все это – Рыбалко, и еще раз, и много раз – Рыбалко.

При регламенте – два, нередко занятия литобъединения, взрывно переходившие в жаркие бескомпромиссные споры, длились четыре, а то и пять часов. Необычайно высокую, прямо-таки золотую, цену имели разговоры «душа в душу», или, как сейчас стало популярным говорить, неформальные встречи. Сколько их было?! Не перечить. За окнами – дождливая осенняя темень или метель... А здесь! Говорили о войне и о любви, о поэзии и поэтах, о политике и будущих книгах. Негромко, душевно пели: «Я жил в такие времена» (песня на стихи Рыбалко – победитель конкурса «Песня года»).

...Однажды я стал рассказывать Николаю Александровичу о том, что был на Прохоровском поле. Он стал оживленно вспоминать:

— Так, так. Поле. Я бы сказал — не очень широкое, но очень длинное... С двумя горизонтами. И, как бы подрезает его, железная дорога с лесопосадками, идущая на Прохоровку...

—Так, так. Именно! — изумлялся я: сколько же таких полей повидал юный артиллерист

— ему тогда было немногим более 20-ти — на ратном пути своем: от Воронежа — почти до Берлина.

— В посадке и стояла наша батарея, — продолжал Рыбалко, — на фланге схватки.

Потому и живой остался, что на фланге. Сперва били в лоб фашистской бронированной «свинье»... А потом, когда наши танки, шедшие лоб в лоб, как кинжал в ножны, вошли во вражеские, прекратил огонь и связался с командиром полка (кстати, сыном Чапаева) — каков будет приказ? Полк связался с дивизией... И дальше.

Получил приказ... И садили мы весь бесконечный июльский день в полыхающую, искрящую, ревущую, словно кратер вулкана, мешанину танков...

Николай Александрович замолчал, надолго задумался. Затем продолжил, как бы решив что-то для себя:

- Ты знаешь, Виктор, сейчас, когда столько прошло после нашей Победы, я уже несколько раз ловлю себя на мысли... Короче, мне жалко немцев... Простых пацанов и мужиков... Мы зубами и ногтями цеплялись за НА-ШУ землю... Падали миллионами за нее и на нее. За НА-ШУ! А они за что? За идею-фикс – «высшую расу»... За гектар трофейной земли... Который будет или не будет. Скорее всего – не будет. А вместо него - безымянная могила где-нибудь под Прохоровкой. Или вовсе и ее не будет. За воздух они цеплялись. И дисциплинированно поднимались в бесконечные атаки и контратаки. Числом взяли мы их, кровью залили...

— Как сейчас наши пацаны в Афгане. За воздух, за МИРАЖ падают.

— Понимаешь, Виктор, — продолжил Николай Александрович,

откашлявшись. — Я гоню эти крамольные мысли, а они меня достают. Я бы свел наших лидеров, и при огромном стечении народа... В Берлине или Москве, в Мюнхене, Гамбурге... Ленинграде или Киеве... И пускай они — ОДИН НА ОДИН! — до первой крови или до смерти, на кулаках, шпагах или пистолетах, а мы бы — десятки, сотни миллионов — были живыми. И я не был бы инвалидом первой группы по зрению.

— Но ты не обращай внимания, — закончил Николай Александрович, переведя дыхание и голосом окрепшим. — Это, наверное, старческое. Увы, старческое: усталость накопилась.

Не запомнил я, когда этот разговор состоялся. Скорее всего, в конце 80-х, так как речь шла об Афгане. Да и очень много их было, воспоминаний поэта-воина о войне. Но глубоко врезалось откровение Рыбалко. И однажды, уже в новом веке и третьем тысячелетии, уже лет эдак через пять после ухода Николая Александровича Рыбалко из жизни, как бы шлюз открылся:

Курская дуга
Рассказывал учитель мой,
Рыбалко —
Артиллерист, пришел с
войны слепой:
Весь день садили в
мешанину танков,
И—хрен поймешь! —
где свой, а где — чужой?!
С тех пор над полем и
Над Вышним храмом,
Отерши кровь и
выкашлявши чад,
Стрелок Степан с
механиком Иваном
В лазури жаворонками
звонят.
Уже их не пошлют —
испепелиться,
Ни в рай уже,
ни к черту на рога...
...А рядом — души
Готфрида и Фрица...
И в них не гаснет
Курская дуга.

Так вот, даже из дальнего и невозвратного далеко, влияет Николай Александрович Рыбалко на своих коллег и учеников, вдохновляет их. Я мог бы назвать десятки, а если бы напрягся — и сотню, имен, прошедших ЕГО ШКОЛУ, ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. Однако рамки газетного эссе не позволяют. Назову несколько имен, вошедших в большую литературу. Это уже ушедший из жизни Олег Борисович Плуталов. 23-го

февраля ему исполнился бы 71 год. Поэт, прозаик, журналист, автор четырех книг прозы, был и остается кумиром многих поколений. Это Леонид Алексеевич Горовой, издавший 17 книг журналистики, прозы и поэзии. У него цикл стихов и поэма о воинской, поэтической и гражданской судьбе Николая Рыбалко. Это гениальный украинский поэт Анатолий Антонович Мироненко, автор пяти книг философии, драматургии, поэзии, член Союза писателей Украины, лауреат литературной премии имени Владимира Сосюры. А еще — член союзов писателей России и Украины, автор десяти поэтических книг Анатолий Михайлович Мирошниченко.

Поверьте, невозможно не назвать еще одно имя: маэстро Краматорского художественного цеха Иван Иванович Базилевский. Он пишет стихи, десятки лет — в плотном контакте с Николаем Александровичем Рыбалко и ЕГО литобъединением. Результат: уникальная серия дружеских шаржей на

литераторов и журналистов города, портреты Рыбалко, памятник поэту на его могиле на кладбище по ул. Ленина, мемориальная доска на доме, где он жил, по ул. Социалистической...

Да разве обо всем расскажешь?! Жизнь продолжается. Несмотря на атмосферу перестройки, разрушения всего и вся, мягко говоря, не благоприятствующую поэзии, дело Рыбалко живет. 15-го февраля — очередное занятие литературного объединения. Обязательно прочтут свои новые произведения Тамара Дятликова, Наталья Малеева, Владимир Виноградов, Николай Супличенко, которые прошли ШКОЛУ РЫБАЛКО. И еще — новый руководитель литературного объединения поэт Александр Юзвин. И еще, и еще... В том числе школьники и студенты, которые пришли уже после его ухода, и у которых все впереди.

Поэзия — частичка жизни, и она, поэзия, как и самая жизнь, — бессмертна.

Альберт ПРОВОЗИН

Сильные люди

У Днепра, за мельницею старой
Бой кипел, как в огненном котле.
Унесли майора санитары,
-Руки, вы остались на земле...

Нет, не было никакой выдумки: всё было абсолютно документально. Майор, потерявший обе руки в битве за Днепр, при освобождении Киева от фашистов в далёком 1943-м, не ушёл из армии, не оставил оружия! И спустя полтора года после рокового ранения засияла на его груди вторая Золотая Звезда Героя Советского Союза. За плечами командира ракетного соединения генерал-лейтенанта Петрова были уже не только фронтовые годы, но и годы воинской службы в мирное время.

Как тут было не вспомнить стихотворение Николая Рыбалко именно о «руках, оставшихся на земле»?! Почитатели поэта из его родного Краматорска знали, что посвящены стихи автором не только дважды Герою Советского Союза генералу Петрову, но ещё и... своему бывшему командиру в годы Великой Отечественной!

Расскажу историю о том, как Петров и Рыбалко «обмывали» последние свои награды за Великую Отечественную. Об этом ещё нигде не писали, - а зря! И я пользуюсь случаем, чтобы, наконец, не дать безжалостному Времени засыпать песком забвения и эту, тоже невыразимо трагическую и вместе с тем по-настоящему святую сцену.

...Происходила эта святая сцена уже не на нашей земле - в зарубежном городе Вене, притом в мирное уже время, - летом 1945 года. Потому что 248-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, на жаргоне аббревиатур того времени - «ИПТАП», участвовавший в освобождении Киева от фашистов в 1943-м, к этому времени дислоцировался именно во всемирной столице вальсов. И командиром полка по-прежнему оставался, как и при форсировании Днепра под Киевом, Василий Степанович Петров, - в звании уже не майора, а подполковника.

В полк пришли сразу две звёздные награды (это ничего, что они запоздали); командиру батареи капитану Николаю Александровичу Рыбалко причитался орден Красной Звезды, командиру полка Василию Степановичу Петрову - вторая Золотая Звезда Героя Советского Союза!

Петров решил «обмывать» награды вдвоём; третьим на торжество было допущено только одно ещё лицо - его адъютант. По фронтовой артиллерийской традиции тот наполнил не разведённым спиртом две срезанных под стаканы снарядных гильзы, и на дно первой опустил медаль «Золотая Звезда», на дно второй - орден Красной Звезды. Пару минут перед тостом сидели молча. Молчание вдруг – порывисто! – оборвал комполка:

- Коля, как же мы с тобой теперь чокнемся?! Я вижу, где наши чарки звонкие стоят, - да взять не могу. А ты — взять можешь, да не видишь, где они!..

Адъютант - на что уж привыкши за войну ко всему! - не смог сдержать слез.

С командиром 248-го истребительного противотанкового артиллерийского полка (ИПТАП) считались и бумажные души: случай, что ни говори, особый. Да куда там «особый» - бери выше! Ведь, оказывается, сам Сталин лично распорядился удовлетворить просьбу командира полка без рук оставаться и дальше в боевом строю. И даже добавил при этом:

«разрешить пожизненно». О чём сам Петров узнал... лишь через 40 почти лет!

И все они, кто из 248-го ИПТАПа, были в этом отношении - да и в массе других! - на один покррой. Когда к нам в редакцию «Краматорской правды» как-то (это было где-то в конце 60-х годов) приехал очередной чиновник из горкома партии и, услышав обычные остроты Рыбалко, откровенно пригрозил, что, мол, такие штучки «чреваты», - Николай Александрович при всех (шло заседание литературного объединения при газете, которым, кстати, именно он руководил 40 лет, и «постороннего народа» была масса) с вызовом ответил: «А вы что, с поэтов меня снимете?». К слову, эти его птенцы под его дирижёрством издали около трёх десятков своих книг поэзии и прозы, и не только в Донецке, но и в издательствах Киева и Москвы, причём, трое из них закончили Московский Литературный институт имени Горького.

Сам же Николай Александрович годы потратил, чтобы наловчиться держать в уме сотни вариантов каждой стихотворной своей строки... Ведь только после такой гигантской работы он останавливался на окончательном её тексте: оттого и сила такая в его поэзии. В конце концов он настолько натренировал свою память, что приходил к нам в редакцию и диктовал машинистке уже начисто законченные стихи. 25 стихотворных сборников вышло у него, и высшей литературной премии Украины – имени Тараса Шевченко – он тоже удостоился. Как завет себе, храня в своём сердце слова Великого Кобзаря; «І буде син, і буде мати, і будуть люди на землі!» Гениальный наш Александр Биляш, называя Рыбалко «Брате мій!», напишет на его стихи знаменитую свою песню: «Я жил в такие времена».

На память мне приходит осенний вечер 1969 года, встреча бригады писателей Донбасса в тогдашнем Жданове (теперь Мариуполь) с учащимися и преподавателями металлургического техникума. Рыбалко вышел на сцену. А читал он неподражаемо, и аудитория неизменно замирала, изумлённая таким могуществом слова! Вот и здесь после его выступления зазвенела тишина потрясённого зала. И вдруг с переднего ряда поднимается человек и просит слова.

- В 1943 году наше село на Орловщине, - обратился он к залу, - захватили немцы, сожгли мой дом, семья погибла, и я остался в 12 лет сиротой. А когда к тому берегу реки за селом подошли наши, мне чудом повезло перебраться к ним через неё, и солдаты стали там подкармливать меня из полковой кухни. Совершенно потрясло меня тогда кино, которое крутили в этой части и которое я тоже посмотрел. В нём рассказывалось о мальчишке, - таком же, как я, сироте военного времени, которого усыновили солдаты. И вот стою я после этого за своей порцией у полевого котла в солдатской очереди, а ко мне подходит офицер-артиллерист и говорит: «Знаю о твоей просьбе принять тебя сыном нашего полка. Но тебе ещё жить да жить, а умирать на войне пока без тебя найдётся кому. Так что, дуй-ка в тыл, на Урал, - учиться. В ФЗО примут. Вот тебе деньги на дорогу. Это моё офицерское довольствие. Родом я из Донбасса, а он под немцем, и мои родители – там, поэтому

послать им эту помощь я пока все равно не могу Так что, бери!»). Тут как раз подоспела машина, идущая в тыл: в неё он меня и впихнул. На перекладных я добрался с помощью этих денег (по тем временам - целое состояние) до Свердловска, где учился в ФЗО, потом - в университете, а сейчас преподаю в этом техникуме. Сколько я потом искал того офицера! Но всё напрасно: ведь тогда я не успел спросить даже его фамилии... И вот сегодня я встретил его! Это поэт Рыбалко, который только что тут выступал! Николай Александрович, а я - тот самый Володя Овчаров, судьбу которого вы ещё тогда определили!

Овчаров постоянно потом приезжал к своему необычайному «шефу» в Краматорск.

Как постоянно, до последнего года своей жизни, ежегодно приезжал погостить в Краматорск к своему бывшему комбату ещё один командир того же самого 248-го ИПТАПа, тоже ставший потом генералом, как и Петров, - да ещё и Героем Советского Союза - Александр Васильевич Чапаев. Да-да, родной сын того самого легендарного Чапая! Когда полк стоял в Яготине, Чапаева перевели выше, а на смену ему, в самый канун битвы за - Киев, командовать полком назначили майора Петрова.

Какими верными друг другу до конца были эти люди! Теперь вот и Петров ушёл из жизни - на 81-м году, через 8 лет после Рыбалко, и через 60 без малого - после потери своих рук и освобождения Киева.

Роготченко А.

Память о солнце

Солнце щедро рассыпало по деревьям горсти лучей. В то удивительное раннее утро и разлапистые каштаны, зачаровано притихшие под окнами домов, и ветер, нежно перебиравший листья деревьев, и даже жужжащий шмель, лениво копошившийся в мохнатом цветке, - все как бы предвещало добрый день.

А на улицах уже бурлил людской поток.

Тогда-то я и увидел человека с букетом цветов. Он направлялся к памятнику советским воинам. Внешне он ничем не выделялся: такая же легкая походка, такое же деловое и сосредоточенное выражение лица, как и у других. Приглядевшись повнимательнее, я заметил глубокие борозды морщин на лбу, суровую складку меж бровей и орденскую планку на лацкане пиджака.

Кто знает, о чем думал он в эту минуту. Может, припоминал прошлое, сердцем пережитое и до сих пор бередящее душу. Может, перед глазами его вставали картины великих битв: разрывы гранат, свист пуль, смерть. А за ними - торжество жизни, весны, проявляющееся в этом бурлящем людском потоке на утопавших в зелени улицах рабочего Краматорска.

Видно, люди знали и любили этого человека. То и дело его окликали, подходили и жали руку, приветствовали.

И постепенно разглаживались морщинки, таяла суровость, лицо озарялось улыбкой. А взгляд...

Мне никогда не приходилось видеть подобного взгляда! Будто в нем сплавилась любовь и страсть, мужество и печаль. Но почему взор так неподвижен? И тут у меня больно сжалось сердце: слепой. Сразу и не заметишь...

Я догадался, что на залитой яркими лучами солнца улице передо мной стоит «рабочий поэт» - Николай Рыбалко. Он осторожно дотрагивался пальцами до лепестков – они дрожали под теплым ветерком, переливались волшебными красками, издавали нежный и пьянящий аромат.

Я остановился около него, заинтересованный и этим человеком, и его стихами, и его трудной и необычной судьбой.

Не зная я о нелегкой доле Николая Рыбалко, решил бы, что это самый «видящий» человек на земле...

Мы строим дома и мосты,
Но слышим мы каждый шорох,
Мы знаем, как пахнут цветы,
Мы помним, как пахнет порох.

* * *

Шла великая освободительная война. Советские войска с боями двигались на Запад. Огнем и сталью сокрушала наша армия ненавистного врага.

Тревожной февральской ночью 1945 года не спалось ни командиру противотанковой батареи Николаю Рыбалко, ни его бойцам. Не шел к ним сон после жестокого боя на правом берегу Одера.

В холодной черной пасти дзота
Стучал зубами пулемет...
И вмерзла в рыхлый снег пехота,
Ей не продвинуться вперед
И то ли вспомнил он присягу,
А может, дан приказ бойцу,—
Он вдруг пополз крутым оврагом
Один, наперекор свинцу.
Все ближе дзот зловеще хмурый,
Бросок гранаты, взрыв... И вот
Закрыл он сердцем амбразуру —
И захлебнулся пулемет...

Отгремел трудный бой. Рыбалко знал мужество бойцов, знал и силу своих пушек.

Перед каждым боем командир батареи особенно пристально всматривался в лица своих подчиненных. Прищурив глаза, он мысленно

пропускал сквозь предстоящий бой своих пушкарей и мог безошибочно сказать, кто на что способен.

Этот пуще всего бережет свою жизнь, а этот, бинтованный и перебинтованный, полезет в самое пекло.

Сам он в каждом бою думал только о жизни и никогда о смерти.

...Не забыть мне Карпаты... Карпаты...

Днем и ночью от выстрелов — мгла.

За притихшей хатенкой горбатой

Нас немая засада ждала.

Кто-то бросил тревожное: «Немцы!»

Выстрел темное небо прожег.

И закрыл меня собственным сердцем

Молчаливый и верный дружок.

Покачнулся, схватился рукой он

За горячую грудь

и утих...

Оттого я всегда

беспокойный —

Мне трудиться и жить

за двоих.

Шепчутся о чем-то солдаты. Он расслышал голос Семена Горышина — большого молодого парня, на лице которого неизменно блуждала веселая, открытая улыбки.

Друзья всегда умолкали, когда он заводил разговор. Это он просил комбата ходатайствовать перед высшим командованием о том, чтобы после победы всех батарейцев отправить на жительство в один город. Предложение соблазнило многих. А сейчас Горышин читал стихи Маяковского.

Вокруг тихо — ни взрыва, ни выстрела. Такое на войне не так уж часто бывает.

...вино и поэзия,

и, если

ее

хоть раз

по-настоящему

испили рты,

ее

не заменит

никакое питье...

— И что это ты, Горышин, не расстаешься с Маяковским? — перебил его старшина: — Как будто на свете нет других поэтов...

Капитан Рыбалко, молчавший до тех пор, вмешался в разговор. Громко, чтобы все слышали, сказал:

— У Маяковского, как и у артиллеристов, промахи бывают редко. Может быть, за это и любит его Горышин...

Старшина поглядел на капитана с сосредоточенно внимательным выражением.

— По мне все-таки лучше не со стихами, а с закопченными котелками иметь дело. — А потом, переведя взгляд на Горышина, строго заметил, что у него, сидящего у костра, уже дымится рукав гимнастерки.—Смотри сгоришь, а по штату на батарее пожарников не определено. — И тоном, не терпящим возражений, добавил:

— А вообще, советую тебе, Горышин, беречь обмундирование. Оно казенное.

Горышин, зажав тлевший рукав, быстро нашелся:

— Ничего не скажешь, хозяйственный человек наш старшина! И мертвого на тот свет не отпустит, пока он за обмундирование не отчитается!

Горышин отличался веселым характером, придирки старшины он всерьез не принимал. Отшутится по привычке—хохочут солдаты, смеется и командир батареи.

Но сегодня командир чувствует себя, как говорится, не в своей тарелке. В такие минуты хочется посидеть одному, вслушиваясь в таинственные ночные шорохи.

Еще одна бессонная фронтовая ночь. Откуда-то донеслись непонятные звуки, они возникали будто из-под земли. Да ведь это поют пески. Тонко позванивают прогретые за день сухие песчинки.

С рассветом командир батареи поднялся и медленно зашагал к молодому лесу.

Да, эта тишина, и это голубое небо, и это яркое весеннее солнце — всего лишь напоминание о том, что мир и спокойствие еще надо завоевать.

Земля моя —

не километры,

В окне бегущие назад.

Она — в зеленой шапке кедров,

На ней, как бусы, виноград.

Она — то нив янтарных россыпь,

То чуть заметные грибы.

Ее испытанная поступь —

Высоковольтные столбы.

Глядят озера

синим взором

Из-под густых бровей вразлет...

И вся земля стоит в дозоре

У неземных своих красот.

А они, советские солдаты, вершат свое ратное дело, неутомимо шагая по трудным военным дорогам, ведя изнурительные бои. И перед его внутренним взором встают почерневшие от пожаров громады зданий, разбитые железнодорожные вокзалы, изуродованные, с вывороченными камнями ленты шоссе.

Но как бы тяжело ни приходилось, командир батареи ни разу не слышал не то чтобы жалобы—даже намека на них. А ведь порой усталость валила с ног.

Тяжелые фронтовые дороги как-то по-новому показали людей. В их характерах проступили черты, которые раньше были скрыты от глаз: самоотверженность, презрение к смерти во имя жизни... Раздумья капитана прервал хорошо знакомый железный скрежет.

— Танки! — крикнул он. — К орудиям!

Ничто, кажется, не могло остановить бронированные чудовища. Все ближе и ближе подползали вражеские машины к батарее. И, заглушая шум и скрежет, первым ударило орудие сержанта Ткаченко. Вслед за ним загремела вся батарея. Запылала два фашистских танка. Их обволокло густым, едким дымом, из которого пробивались багровые языки пламени. Оглушительно рвались снаряды в горевших машинах, потрескивали патроны в пулеметных лентах.

Залпы следовали один за другим, все чаще и чаще.

Стволы орудий раскалились, над ними струился нагретый воздух. Люди напряжены до предела, а конца боя не видно. Сколько он уже длится?

Все вокруг заволочло густой пылью: она режет глаза. Артиллеристы уже подбили пять танков. Задыхаясь и обливаясь потом, батарейцы мечутся около орудий. Они решили или сгореть в этом пекле, или же устроить врагу такой ад, чтобы ему тошно стало. Порой командир сам подносит снаряды, сам ловит в прицел вражеские машины. А фашисты, не считаясь с потерями, бросают в бой все новые и новые силы. Батарея ведет неравный бой с противником. Вот еще один гитлеровский танк застыл на месте.

Под ногами Рыбалко вдруг покачнулась земля, и небо почернело. Острая, нечеловеческая боль сдавила все его тело. словно раскаленная струя пронизала глаза, ударил в лицо едкий запах гари.

— Что с вами? — кинулся к нему Степан Ткаченко. Рыбалко взял руку бойца и крепко сжал ее. Ткаченко понял значение этого рукопожатия.

— Приказываю продолжать бой, — с невероятным усилием произнес командир.

II

Капитану Рыбалко предстояло новое испытание. Нужно было совершить новый подвиг: выдержать все страдания и снова стать в строй. Огромной, манящей была эта мечта. Только бы пройти этот путь, только бы восстановить зрение — а уж там все сложится как надо! Надеялся Рыбалко, что не придется ему сдавать свое офицерское удостоверение, что он снова окажется на поле боя, будет шагать вместе со всеми...

Труд войны Николай Рыбалко разделял с боевыми друзьями, как и он, попавшими на фронт со школьной скамьи.

Вставал рассвет.

От самого заката

Шумел прибоев вечер выпускной.

Никто не знал,, что мы уже солдаты,

Что все мечты разрушены войной...

Девятнадцатилетним он принял боевое крещение у Сталинграда,
пережил не один десяток трудных боев.

А враг опять готовил наступление—
Уже в штабах пронзили стрелы нас.
И в этот день

я подал заявление.

Парторг сказал «Собрание—через час».
Железный смерч свирепствовал без меры,
Играл с огнем ревущий самолет.
Как на весах, качался волжский берег,
И неизвестно было,

чья возьмет.

Сошлись «Нах Остен»

в этом поле мглистом

И клич

«За Волгой нет для нас земли!»

И первыми вставали коммунисты
И на ушанках звезды в мир несли
Нас заждались бездомные селенья —
И мы у орудийного ствола
Писали всем расчетом заявленья...
И наша в том сражении взяла.

Не один раз на опушке леса после боя командир дивизии объявлял
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами героев
боев.

В госпитале Николаю Рыбалко произнесли окончательный приговор:
он никогда больше ничего не увидит.

Он никак не мог смириться с тем, что наступила томительная,
беспросветная ночь. Без конца и края...

От солнца большего не требуй —
Оно всю светило днем,
Еще горит ночное небо
Воспоминанием о нем
Цветочек каждый, каждый камень
Еще хранит его тепло
В окошко каждое лучами
Оно, огромное, вошло.
Его горячим продолженьем
Мартены дышат в небеса.
Его лучистым выраженьем
Сияют девичьи глаза.
А утром вынырнет с востока —
Опять — горит, опять — в бегу
Я в сердце как зеницу ока

О солнце память берегу.

...В иные минуты его охватывало какое-то оцепенение. Каждое движение отдавалось по всему телу острой болью, тяжелый звон в голове — ох, как трудно отделаться от безутешных мыслей! Вопреки рассудку, он продолжал надеяться, что врачи возвратят ему зрение, что все-таки развеется окутавший его мрак...

Когда в воздухе запахло клейкими распускающимися почками, на свободную койку в палате положили с виду крепкого, ладно сбитого человека. Это был старший лейтенант сибиряк Петр Алексеевич Сурков.

Ему нельзя было дать больше двадцати трех — двадцати четырех лет. Его бескровное лицо испещрено мелкими черными шрамами от зарубцевавшихся ран.

— Сколько ранений было, — глухо говорил Сурков, — а вот на этот раз... совсем не повезло.

Старший лейтенант оказался общительным человеком. Говорил он всегда горячо, взволнованно. Словно боялся, что не выговорится. Слушали его, затаив дыхание. И находил он всегда такие темы, которые волновали всех обитателей палаты.

Перед войной Сурков учился на историческом факультете Иркутского университета. Когда фашистские захватчики вторглись на советскую землю, ушел в армию с третьего курса. Стал сапером. Ошибка — и вот лишился зрения.

Он называл с поразительной точностью даты жизни выдающихся полководцев, перечислял исторические сражения и битвы, помнил имена отличившихся в них генералов, офицеров, солдат.

Война... Сколько людей она поглотила, пораскидала, сколько оборвала жизненных дорог!

Как будто не о себе, а о ком-то другом рассказывал Сурков о своем последнем ратном деле. Внимательно слушали его раненые. И каждый из них переживал свое последнее сражение.

Но вот в палату внесли еще одного. Танкистом был. Говорят, совсем молодой. Сестра по секрету сообщила, что на нем живого места нет, что он потерял много крови. Снарядом изуродовало лицо. Целых три дня не приходил в сознание. А на четвертый зашевелился. А еще через день танкист сам сказал, что ему стало легче. Он попросил медсестру почитать ему вслух Генриха Гейне. Ей не приходилось раньше встречаться с книгами немецкого поэта. Читая ему злые и нежные, восторженные и насмешливые стихи Генриха Гейне, она недоумевала: почему советский танкист, которого изрешетили фашисты, носил в своей полевой сумке потрепанный томик стихов немецкого поэта?

— Садитесь рядом, — проговорил однажды танкист, обращаясь к раненым. — Когда лежишь вот так, неподвижный, как куль, хочется, чтобы рядом был кто-то.

— А ну-ка, Рыбалко, подымайся и ты, — встал Сурков со своей койки.

— Рыбалко? — переспросил Бурей. — Не твои ли, друг, стихи читал я во фронтовой газете? Те, что про тетрадь, которую нашли танкисты в обгоревшем грузовике?

Тетрадь в кабине взорванной трехтонки
Нашли танкисты в мартовский рассвет.
Чернела тут же свежая воронка,
И рядом на снегу — багряный след.
Тетрадь стихов... Она в холодном танке
Могла солдатам душу согревать,
И вот теперь в прокуренной землянке
Чужие строки ожили опять.
Тетрадь стихов... Страницу за страницей
Ее листал безусый лейтенант.
Плеснули волны солнечной пшеницы,
Мелькнул дочурки васильковый бант,
Вставали села в пламени и гари,
Глядела вдаль заплаканная мать...
И туго стянутый бинтами парень,
Сдержав дыханье, перестал стонать...

III

В долгие дни и ночи, смятенные, полные тревог и мыслей о том, как строить свою жизнь дальше, окончательно определилась его поэтическая тропа.

...Нелегко сочинять стихи. Но с каждой написанной строкой в Николая Рыбалко будто вливались силы и оживали краски родных просторов. Всюду он искал и находил поэзию: в голосах людей, в скрипе санных полозьев, в звоне талой весенней воды и... в любви. Да, да, в любви! Потому что с ним была любимая.

Откинув все сомнения, он написал Нине. И не ошибся. В родной город вернулся он уже не один. И стало легче, как после трудного, но победного боя...

Голос у Нины тихий, задушевный. Она неизменно приветлива с мужем. Каждый день на его письменном столе Нина меняет цветы. В его сердце поселилось прочное счастье.

Вечерами он шептал строки стихов. Его перебивал крик малыша.

Нина склонялась над кроваткой и заботливо поправляла одеяло на ребенке.

— Соколик мой, — подходя к кроватке, нежно говорил Николай. — Хоть бы раз взглянуть на тебя. Если бы ты знал, как я хочу, чтобы в жизни у тебя было много радости!

Для Николая теперь работа—это главным образом эксплуатация памяти, хранящей увиденное в детстве и юности.

Вдыхая свежий запах подснежников, принесенных Ниной, он вспоминает, как бойцы батареи собирали подснежники после боя. Нежная, еще не раскрывшаяся головка первого весеннего цветка, пробив дырочку в снегу, тянулась к солнцу.

На границе марта и апреля
Он взбежал на самый бугорок
И еще безжизненную землю
Озарил, как тихий огонек.
Солнцу он кивал головкой синей,
С ветерком шептался о весне.
А под вечер белой паутиной
Закружил над ним нежданный снег.
И пускай ему сегодня туго —
В полный рост здесь скоро станет рожь.
В белых вспышках суетливой вьюги
Был он на разведчика похож.

В стихотворении «Подснежники» все просто и бесхитростно. Живой уголек тлеет, не угасая, под пеплом военных лет.

Николай Рыбалко — поэт возвышенного и одновременно конкретного мышления. Он не может писать, если не чувствует острой внутренней необходимости. В его поэзии живет человек нашего времени с его любовью, радостью, печалью, обязанностями, заботами, тревогами. Свеж и чист мир рыбалковской поэзии!

Поэт ощущает жажду общения с людьми, потребность делиться с ними своими думами и чувствами.

Как-то Рыбалко прочитал жене стихи о комбате Иване Блохине, своем старом фронтовом друге, смелом в бою, спокойном под обстрелом, сосредоточенном и внутренне собранном. Бойцы уважали и любили Ивана Блохина. Он был офицером щедрой души и необычайного мужества.

Нина заметила, что о Блохине, о котором он рассказывал ей так взволнованно, в стихотворении написано без волнения, холодными, будто бы скованными словами.

Поэт все мучительно передумал заново. Он вновь пережил фронтовые дни. И вложил в стихотворение о комбате Блохине весь жар своей души. В нем появились слова, светлые, сильные, те единственно точные слова, которыми только и можно говорить о герое и подвиге.

В тот день Рыбалко понял, что ему предстоит еще крутой, трудный и длинный путь. Но главное — идти вперед, несмотря ни на что. Как на войне.

— Не скрою, много ночей пришлось провести в раздумьях. Как быть? Неужели мне, бывшему солдату, сложить оружие и сдаться в плен тяжелому недугу? А в висках стучало памятное: «Жизнь надо прожить так...» И жизнь победила. Я не знаю, что было бы со мной, если бы не большой и надежный друг Павка Корчагин, если бы не коммунист Николай Островский. Я не знаю, писал бы ли я стихи, если бы не было писателя-бойца Николая Островского, победившего страшную болезнь и взявшего на вооружение слово. И сегодня я склоняю свою голову перед его светлой памятью и говорю: «Спасибо тебе, мой духовный брат. Спасибо тебе, учитель мужества».

IV

Умолк звонкий смех дочурки Вали. Где-то по хозяйству хлопчет жена. Николай Александрович вот уже который час меряет шагами комнату, что-то шепчет про себя. Бормотание иногда надолго прерывается. Трудно найти нужные, самые верные слова. Он останавливается, шевелит пальцами, словно ощупывает мысль. И наконец зовет жену. Медленно, тщательно взвешивая каждое слово, начинает ей читать:

Отец молчал, а мать украдкой
Слезу смахнула со щеки.
А в доме будто все в порядке,
Лишь за окном гудки, гудки...
И дед-шутник стал сразу строже,
Сказал, не поднимая век:
«Да, жаль такого... Мало прожил.
Великий очень человек».
Гудел январь, порошей белой
Засыпал тихие края.
Казалось, вдруг осиротела
В поселке каждая семья,
Склонились пламенные флаги,
Притихла у окошка мать.
Отец над чистою бумагой
Шептал: «Прошу меня принять...»

Сильно-сильно стучит сердце поэта. Каким получилось стихотворение? Его тревожит: не попало ли в строку бескрылое слово?

И так всякий раз, когда рождается в нем стих.

Вот перед его мысленным взором встает картина спящего поля, кажется, он чувствует его спокойное дыхание. По полю пробежал ветерок — и оно проснулось. Как передать эти ощущения? Или вот старый каштан. Он слышал разрывы снарядов и мин, вражескую речь, а затем — могучие раскаты «ура». Теперь под ним на скамейке шепчутся влюбленные...

Бывает, по несколько дней бьется Николай Александрович над одной строкой.

Нина Васильевна недавно прочитала у Мопассана: «У слов есть душа». Где найти эти слова с душой?

Жена — самый верный его помощник. Она и первый слушатель, и первый критик. Николай даже немного побаивается ее: критикует она взыскательно, сурово. Обычно он принимает критические замечания мужественно, как нечто необходимое, без чего не вырастешь, не напишешь удачное произведение.

На столе у жены всегда много книг, из которых торчат закладки. Иными вечерами в комнате звучит только ее голос.

Жена читает и перечитывает книги классиков русской и украинской литературы, поэт старается открыть тайны их покоряющего мастерства. Как много нужно знать, чтобы иметь право говорить самому!

Николай Рыбалко живет стихами. Его сердце горит жаждой творчества и желанием служить народу. Он не только вдумчив и внимателен, но и взыскательно строг, когда дело касается стихов. Многое узнал, многое пережил он. А теперь пришла пора осмысливать прожитое и виденное как поэту и гражданину.

Говорят, что поэтом нужно родиться. Это правда. Уметь слушать, как поет зяблик или пеночка; замечать, как с листьев деревьев сползает капель, переливаясь радужными гранями; не пройти мимо раны на тонкой веточке; радоваться тому, как, изгибаясь, пробиваются из трещин в асфальте ростки деревьев; грустить, когда косым треугольником улетают куда-то в синюю даль журавли, — это, конечно, особый дар.

С каждым годом поэзия Николая Рыбалко становится все более зрелой. Самозабвенный труд и постоянное общение с людьми придают поэту новые силы, рождают новые темы, волнующие образы. Во встречах с людьми поэт черпает силу вдохновения. В своих стихотворениях он то снова идет в яростную атаку, то плавит сталь, то воспеваает доблесть, воинскую и трудовую, то помогает нам постичь очарование природы. Он оптимистично утверждает пусть трудную, но великую и прекрасную правду жизни.

Жить - значит творить. Но как поспеть за теми, кому дана такая обыкновенная возможность — ходить и видеть все своими глазами? Как теперь поэту стать ближе к людям? На этот вопрос отвечает сам Николай Рыбалко: «Каждый день иду я в цех с рассветом и тружусь у мирного огня...»

...Идет доводка стали. Именно в эти минуты решается судьба плавки. Расплавленный металл бурлит, рокочет, дрожит и яростно бьется в громадной печи. Как будто среди обнаженных отливом камней пенится золотое море. На лице сталевара отсветы расплавленной стали. Сталевар Василий

Петрович Федоров сам кажется в этих отсветах отлитым из металла. Он сдвинул брови, щеки ввалились, но глаза под темными очками радостно сверкают.

Шумно, но ровно гудят факелы. Глухо взбулькивает, пенится сталь. Известно, что сварить хорошую плавку — полдела. Ее еще надо умело разлить. А для этого нужны особые чутье и умение, которые приобретаются не сразу.

Сталевар смотрит сквозь синие стекла на будущий сверкающий металл.

Внезапно Рыбалко схватил сталевара за руку, весь подался вперед. Он услышал песню расплавленного металла.

— Играет, — прошептал поэт, стиснув руку сталевару. — Играет...

Сталевар почувствовал, что горячие влажные пальцы поэта начинают дрожать.

— Вот... опять... опять... Слышишь? Николая Рыбалко захватил процесс плавки металла. Конечно же, он напишет о том, что пережил за эти часы!

— Профессия-то наша знаешь какая? — говорил сталевар по дороге домой Николаю Рыбалко. — Прямо скажу тебе: самая лучшая. Я через нее, можно сказать, счастье свое нашел.

Натруженные руки сталевара стиснули руку поэта. У Рыбалко был очень хороший день. Он «заболел» своим новым произведением.

Тишина. Но вот лавиной жаркой
Хлынул в ковш расплавленный металл.
Прошумел он над аллеей парка,
Искры над поселком разметал.
Заалел в реке горячей кровью,
Сумраки встревожил на земле.
Закружился золотистым роем,
Засверкал огнями на стекле.
Только нам под этими огнями
Стало и спокойней и светлей:
Стережет бушующее пламя
Тишину поселков и аллей.

А через некоторое время он написал еще одно стихотворение о сталеварах. Он писал, как на закопченные бока мартена лег огненный загар плавки. А у седого сталевара, который стоит у мартена, сегодня особенная смена: он уходит на пенсию. И вот в эти часы перед ним проходит его длинная трудовая жизнь. Вспомнилось ему, как он пришел на завод зеленым юнцом, как трудно шел к мастерству, вспомнился тот день, когда золотом засверкал на его праздничном пиджаке орден. И вот — последняя плавка.

Брызнула сталь, как музыка, как шум взбунтовавшихся морских волн...

Старому сталевару стал на смену паренек — широкоплечий, подтянутый, лицо обветренное, брови вразлет, глаза черные. Такой, каким был и сам мастер сорок лет назад.

Мы с Николаем Александровичем идем по людным улицам Краматорска.

Без пафоса, но не сдерживая внутренней взволнованности, Николай Александрович признается мне:

— Я считаю, что писать стихи — самая прекрасная профессия и самое большое счастье. Какая радость может быть более сильной и более полной, чем та, которую испытывает поэт, когда сознает, что передает людям частицу своего собственного сердца?..

Вот поравнялся с нами глазастый парень в синей рубашке с короткими рукавами.

— Что-нибудь новенькое написали, Николай Александрович?

— Есть новенькое, — приветливо отвечает поэт.

Подошел русоволосый мужчина с открытым лицом.

— Что ж ты забываешь нас, Николай? Уж, пожалуйста, заходи, друг.

— Это бывший фронтовик, — говорит мне о нем поэт.—А сейчас металлург замечательный, и песню спеть мастак.

А вот остановила нас смущающаяся девушка.

— Наша юная поэтесса, — представил он ее.

Николай Александрович с удовольствием бродит по улицам родного города, где все для него так близко, важно и исполнено глубокого смысла.

Я распрощался с поэтом. Но в ушах моих все еще звучат стихи, прочитанные им мне на прощание:

Я жил в такие времена,
В такие дни, в такие даты!
Меня, безусого, война
До срока призвала в солдаты.
И в красноезвездного меня
Сто пушек целились, наверно.
Москву собою заслоня,
Весь мир прикрыл я в сорок первом.
Я жил в такие времена —
Горели руки от работы,
Земля мне золотом зерна
Платила за соленость пота.
Припав к динамику щекой,
Я слушал,
как, свершая чудо,
На крыльях зрелости людской
В глубины проникали люди.
Я жил в такие времена,
Что голова ходила кругом,—
Моя планета

и война

Стояли в шаге друг от друга,
Мне вся земля была видна

И зорким днем и ночью звездной.
И был я ласковый я грозный —
Я жил в такие времена!

1980 г.

2. Стихотворения, посвященные поэту-фронтовику

Володимир Бояновський

На зборах літоб'єднання
Нас Микола Рибалко єднав
(бережи, милий Боже, цю душу!).
Тільки правду сказати я мушу,
Бо, здається, дістав таких прав.
Ми були у братерстві одним
(не вважаймо облуду за драму!).
Всі ходили туди, як до храму,
То для нас був Поезії Дім.

Добре бачили - хто є і що!
Нас Учитель умів розсудити.
Та надумав нас в горі лишити,
Тільки, жаль, ми не знаймо за що.

І не стало його назавжди,
Дім поезії був наче пустка...

Він мені став, як ситому кістка!
І я більше туди не ходив.

Всі пробились і стали людьми,
Вже у нас є давно свої книги.
Промінь сонця, як признак відлиги,
Сяє нам після злої зими.

Мені свідком – і серце, і небо,
Що вагоме я виніс звідтіль:
Це незгасну за Вчителя біль
І повагу, колего, до тебе!

Талант і шляхетність

Світлій пам'яті

Миколи Олександровича Рибалки

присвячую

Учителю, я Вам уклін складаю
За мудрість, яку дали Ви мені...
В незнанім ще тоді шахтарським краю
Ви були мені батьком довгі дні.

Це Ви мені відкрили світ пізнання
І хліб насущний дали з теплих рук.
Це Ви сказали „Тут нема вагання.
Поезія – то вічний серця стук...”

Це Ви мене підтримали в дорозі,
Коли вже брало сили щоб іти...
І зараз вся душа моя в тривозі –
Вона нестримно прагне правоти.

Ви дали мені заповідь вагому
І стали ідеалом на життя.
О, як мені без Вас тепер одному?!
А Ви пішли від нас без вороття.

* * * * *

Владимир Виноградов

Памяти поэта

Когда в моей больной стране
На все дает ответ гадалка,
Почудится невольню мне, —
Войдет в редакцию Рыбалко.

И сняв осеннее пальто,
Солдат страны, певец эпохи
Кому - то скажет на Лито:
«Сырые строки, но неплохи...

И если в качестве таком
Они не потрясут столицу,
Пойдут - заверит с юморком,
«В небезызвестную страницу».
О, наши чудо-четверги,
Где никому не будет спуску,
Оравы творческой круги,
И рифмы, рифмы на закуску!

Меняют годы имена,
Трещит шестая доля света,
«Я жил в такие времена»,
Теперь «на совести» поэта.

Сомненья лезут, как орда,
О том, что не было и было.
И незакатная звезда
Горюет над его могилой.
1998 г.

* * * * *

Леонид Горовой

Четыре даты

Нашему земляку-краматорчанину Н. А. Рыбалко, поэту и воину, дважды лауреату Государственных премий я в свое время посвятил четыре стихотворения. Два из них были написаны в феврале 1992 года, к 70-летию Николая Александровича, Объясню, почему два к одному юбилею.

В полдень 14 февраля 1992 г. Николай Александрович позвонил мне на работу (в то время я редактировал газету «Машиностроитель» Старокраматорского машзавода) и пригласил меня на свой семидесятилетний юбилей. Я, конечно, дал согласие, а заодно написал юбиляру стихи и в назначенный час прибыл в редакцию «Краматорской правды», в которой, кстати, некогда проработал 18 лет. В кругу друзей-журналистов прочитал стихотворение «Юбилейное», посвященное Н. А. Рыбалко. Всем оно понравилось. Однако редактор Григорий Алексеевич Тимачков заметил, что, дескать, стихи о Рыбалко написаны как о поэте и не указано, что он еще и воин-фронтовик. Поэтому желательно пару строк об этом дописать. Я сначала согласился, потом, хорошо подумав, сказал, мол, стихотворение «Юбилейное» сделано в таком ключе, что лучше оставить его, как оно есть.

А стихи о Рыбалко, как о поэте и фронтовике, добавил я, напишу и принесу в «Крамправду» в нужный день, к началу верстки газеты.

Я сдержал слово и стихотворение «Баллада о мужестве», посвященное Рыбалко, было опубликовано в газете «Краматорская правда» 17 февраля 1992 года. Кстати, стихотворение «Юбилейное» я опубликовал значительно позже.

Третья дата — это дата черная. 8 июля 1995 года на 73-м году жизни скончался Николай Александрович Рыбалко. В тот же день я написал стихотворение «Последний залп» и прочитал его на траурном митинге в день похорон поэта.

Четвертая дата. Спустя пять лет после смерти Николая Александровича Рыбалко ему в городе Краматорске на доме, в котором он жил, торжественно установили мемориальную доску. Этому событию я посвятил стихотворение «Он к нам пришел...».

Ниже публикуются названные стихи в хронологическом порядке.

Юбилейное

Памяти воина и поэта

Николая Рыбалко

Когда Вы вышли в путь к Парнасу,
Вам, юному тогда, помог
С привычным шумом многогласным
Редакционный наш порог.
С тех пор редакция незримо
И в Вас, и с Вами, и для Вас.
Она предельно ощутима —
Насквозь Вы видите всех нас,
В редакционных кабинетах,
Где споры, письма и звонки,
Средь журналистов и поэтов
Вы окунаетесь в стихи.
О, сколько разного здесь было!
Но что осталось, что уплыло.
За каждый год Ваш непременно
Мы поднимаем здесь фужер...
Летят года — за сменой смена,
И вот Вам 70 уже.
Желаем счастья и успехов,
Здоровья Вам на много лет,
Редакционный наш коллега
И всесоюзный наш поэт.

14 февраля 1992 г.

Баллада о мужестве

*Год рождения 22-й,
Рассчитайся на первый-второй.*
Николай Рыбалко.

Год рождения 22-й...
Жил и рос в Краматорске мальчишка.
В девятнадцать узнал не по книжкам,
Что такое с фашистами бой.
Год рождения 22-й...
В двадцать стал командиром расчета.
И с врагом не сведя еще счеты,
Он с войны возвратился слепой.
Год рождения 22-й...
Капитаном он встретил Победу.
Отгремели атаки с рассветом,
Но с судьбой продолжается бой.
Год рождения 22-й,
Рассчитайся на первый-второй.
Первый — жизнь заслони собой,
Только в первом живет и второй.
Тот второй, как травинка лесная,
В первом яростно жить продолжает-.
И, командуя новым расчетом,
Посылает он в марш-бросок
Артиллерию и пехоту —
Рифм, эпитетов, точных строк.
В тех строках — фейерверк, а не блики,
В них особый, бойцовский заряд.
И — одна за другой! — его книги,
Как солдаты, становятся в ряд.
Он поныне покоя не знает —
Как в бою, на переднем он крае.
Год рождения 22-й...
Рассчитайся на первый-второй.
Он собою сомкнул этот строй —
Он и первый всегда, а второй.
17 февраля 1992 г.

Последний залп

В том победном майском 45-м
Для него не кончилась война.
Целых полстолетия солдату
Слышалась и виделась она.
Виделась незрячими глазами
Видением ясным, как слеза, -

То у зренья пробудилась память,
Память, заменившая глаза.
Потому и виделись солдату
Грозные рассветы и закаты,
Потому воочию, сполна
Виделась и слышалась война.
Полстолетья он войною жил.
Принявший удар судьбы достойно,
Он войну в стихи свои вложил
Полною солдатскою обоймой.
Полстолетья — на войне... И вдруг
Свет померк и захлебнулся звук,
Прогремели на могиле круто
Трижды оружейные салюты....
Для него средь мирной тишины
Это был последний залп войны.

8 июля 1995 г., в день ухода...

Он к нам пришел...

Случилась же история такая!
Без протоколов, обещаний, виз,
Как будто бы стихи прочесть желая
Он к нам пришел
И преподнес сюрприз
Привычный ход вещей слегка нарушив,
Сентябрь наполнив раннею весной,
Он в город свой родной,
Как в наши души,
Вошел мемориальной доской,
Заполонило город
Добрим светом —
И громче в нем поэзия звенит,
И, как с живым, -
Мы говорим с поэтом,
И, как живой, он с нами говорит.

25 сентября 2000 г.

Зінаїда Дударчик

Горит зоря у ріднім краю

В палкій уяві часто бачу
Твій образ – світлий і живий,
І нездоланну, мужню вдачу,
Крізь дні, як ночі, сум гіркий.
Незрячим стрів День Перемоги,

Добром наповнив цілий світ.
Я впізнаю на всіх дорогах
Цей неповторний чистий слід.

Ти серцем бачив наші болі —
Любові крилами прикрив.
Безмежно дякуємо долі —
Натхненним словом нас зігрів.
Зціляв ти немічні надії,
Безмірно благо дарував,
Крилаті, зореносні мрії
В тривожну даль благословляв.

З висот вірші, як дзвін лунають —
(прийшли із бою запальні).
Горить зоря в Донецькім краю,
Зірками світяться вогні.

Петр Красенец

Вы ушли с эпохой без обид...

Будут дни в столетья прессоваться,
Это все зависит не от нас...
И не станет взгляд наш отражаться
От твоих, войной сожженных глаз.

Но твоя строка несет свеченье,
И несет звучанье, как струна...
Ты не просто жил в такое время, —
Ты живешь и в наши времена.
≈ ≈ ≈ ≈ ≈ ≈
Накаты. Доты. Рвы. Котлы и дуги —
Печальней в мире не было затей.
Ни Родины. Ни Сталина. Ни друга —
Цена больших, невысказанных потерь.

Но никакой высокою наградой
Всего, что пережито, не забыть.
Лишь сердце, будто ржавая граната,
Сползает в глубь груди, как в глубь наката,
Чтоб память о минувшем не убить.

* * * * *

Будемо жити

Ми чесно, відверто і палко,
Усупереч вадам усім,
Вважали Миколу Рибалка
Нічийним, а саме – своїм.

Усякого, в долі єдина,
На протязі кола часу,
Веде за собою людина,
В собі її риси несучи.

Так сталося, волею серця
Чарчині упасти не дам,
Нехай йому там вспом'янется,
Гекнеться легесенько там.

Тож пиймо чарчинами „Старку”,
Ловимо збентежену мить,
У пам'ять Миколи Рибалка
Тож пиймо й будемо жити.

В. Фендриков

Здесь, в старом доме...

Здесь, в старом доме, где «поющие» полы,
Вкрай. обветшали потолки и стены, —
Двумя рядами длинные столы,
Поэтов приводившие в смятение, —
Здесь, в старом доме, где «поющие» полы...

А во главе столов тех, восседал
Приветливо шуточный Н. Рыбалко.
И многие, кто приходил сюда
Свидетелями были споров жарких...
А годы жизни уносились, как вода.

И все ж, воспоминания светлы.
Здесь очищалась Совесть Краматорска!
В тех коридорах, где скрипящие полы,
Сегодня сиротеют крайне остро...
И все ж, воспоминания светлы.

Здесь столько славных выросло имен,

В печальных стенах городом забытых,
Воспевших красоту и мощь родных сторон,
Прославив свой Донецкий регион
На ниве поэтической элиты!

Звучало здесь: «Я жил в такие времена»,
Потом: «Пока сердца для чести живы».
Хоть в наши дни не та уже страна,
Не те уже свершенья и порывы, -
Народ не забывает эти имена!

**3. Стихи Н.А. Рыбалко в переводе
на украинский язык А. Провозиным**

Руки

У битві за Дніпро командир нашого полку майор В.С. Петров втратив обидві руки. Двічі Герой Радянського Союзу генерал Петров і після цього залишився служити в армії.

Теплі, на вітрах пошерхлі руки, -
Сонце задивлялося на вас,
Обпікали вас лютневі хуги
І травневий пестив дощ не раз.
Еліпси на ватмані щасливо
Креслили ви, мудрі і легкі.
А червневим ранком неможливим
Ви залізно стисли кулаки.
Всупереч негодам, хуртовинам

Правду часу сіючи навкруг,
Руки і солдата, і людини,
Скільки ви вітали добрих рук!
Над Дніпром здіймались чорні хмари,
Бій кипів у моторошній млі.
Підняли майора санітари, -
Руки, ви лишилися на землі...
Згасло й сонце у сувоях диму,
Тільки грізні спалахи навкруг.
І здригнувся ворог! Побратими
Знали – то діла тих вірних рук.
Друзі йшли. Сердець звитяжний стукіт.
Зорі на броні і на крилі!
Їх в боях підтримували руки –
Руки, що лишилися на землі.

Пам'ять про сонце

Від сонця більшого й не треба –
Воно удень світило всім.
Нічне палає й досі небо
Про нього спогадом своїм.
Ще жоден камінь, жодна квітка
Його не втратили тепла.
Крізь шибку кожну сяйва нитка
Від нього сонячно пройшла.
Його продовження могутнє –
Мартенів подих в небеса.
Його натхнення незабутнє
В очах дівочих не згаса.
А зранку знов горить, нівроку, -
Нічну відкинувши межу!
... Я в серці, як зіницю ока,
Про сонце пам'ять бережу.

Я чую осені прихід...

Я чую осені прихід,
Коли її найперший слід
Не за подвійним склом вікна –
Коли в душі моїй вона.
Я чую осені прихід,
Коли кудись в далекий світ
Твій потяг вирушає знов,
Тривожна ти моя любов.
Я чую осені прихід,
Коли такий нелюдський гніт

На плечі другу випада,
Що й не пособиш – от біда.
Я чую... І тоді завжди
Я відчуваю холоди,
Я помічаю, як вона
Біля мого шумить вікна,
Куди б не йшов, що б не робив,
Ловлю колючості дощів.
Та коли в серці у моїм
Добра вогонь – не туги дим,
І відчуває вірний друг
Такий потрібний потиск рук,
А очі голубі – ясні,
Неначе небо по весні, -
То й у сльоту, скажу я вам,
Не вірю я календарям!

4. Библиография

1. Бояновський В. Штрихи до портретів: Збірка віршів. – Краматорськ: ПП „Канцлер”, 2005. – 155 с.
2. Роготченко А. Густые гроздья винограда. – К.: Радянський письменник, 1980. – С. 135 – 153.
3. Бояновський В. На зборах літоб'єднання: [Вірш] // Технополіс. – 2007. - № 7. – С. 21.
4. Вовенко В. Хватит в сердце светлого огня! // Донбасс. – 2007. - № 30 (14 февраля). – С. 15.
5. Виноградов В. Памяти поэта: [Стих.] // Технополіс. – 2007. - № 7. – С.21.
6. Волошина Н. Тернистый путь воина-поэта // Технополіс. – 2007. - № 7. – С. 20.
7. Горовой Л. Четыре даты: [Стихи] // Технополіс. – 2007. - №7. – С.20.
8. Дударчик З. Горить зоря у ріднім краю: [Вірш] // Технополіс. – 2007. - № 7. – С. 21.
9. Красенец П. Вы ушли с эпохой без обид...:[Стих.] // Технополіс. – 2007. -№ 7. – С. 21.
10. Нотки на А. Песня „Я жил в такие времена” на стихи Николая Рибалко стала гимном поколению фронтовиков // Краматорская правда. – 2007. - № 7. – С.2.
11. Провозин А. Сильные люди // Технополіс. – 2007. - № 7. – С. 21.
12. Таран А. Будемо жити: [Вірш] // Технополіс. – 2007. - № 7. – С.21.
13. Фендриков В. Здесь, в старом доме...:[Стих.] // Технополіс. – 2007. - № 7. – С.21.

Содержание:

1. Воспоминания о Н.А. Рыбалко
2. Стихи, посвященные поэту-фронтовику
3. Стихи Н.А. Рыбалко в переводе на украинский язык А. Провозиным
4. Библиография